

Théophile Gautier
MÉNAGERIE INTIME

Теофиль Готье
ДОМАШНИЙ ЗВЕРИНЕЦ

*Перевод с французского,
предисловие и примечания
Веры Мильчиной*

Москва «Текст» 2020

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

Г74

Обформление А. Иващенко

*На контртитule — карикатура Надара
на Теофиля Готье (1858)*

ISBN 978-5-7516-1603-8

© В. Мильчина, перевод, вступительная статья, примечания, 2020

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2020

«...НЕВОЗМОЖНО ПРЕДПОЛОЖИТЬ,
ЧТО В ЭТИХ ГЛАЗАХ НЕТ МЫСЛИ»:
Теофиль Готье и домашние животные

Французский писатель Теофиль Готье (1811—1872) — автор чрезвычайно плодовитый. В его наследие входят стихотворения и поэмы, новеллы и романы, путевые заметки (плоды поездок в Испанию и Россию, в Алжир и Константинополь) и многочисленные газетные статьи: поначалу рассказы о художественных выставках и остроумные хроники парижской жизни, а затем в течение двух десятков лет — рецензии на театральные спектакли. Конечно, не все эти сочинения переведены на русский язык, тем не менее современный российский читатель может составить определенное представление о творчестве Готье — о его любви к красочным описаниям природы и архитектуры, о его тяготении к восточной экзотике, о его иронии, впрочем снижающей излишний пафос. В русских перево-

дах изданы приключенческий роман «Капитан Фракасс» и роман о девушке, живущей в мужском платье и мужском облике, — «Мадемуазель де Мопен», стихотворный сборник «Эмали и камеи» и мемуарная «История романтизма», рассказ о жизни Древнего Египта «Роман мумии» и роман о сказочном уголке Востока посреди современного Парижа «Фортунио», иронические и фантастические новеллы, «Путешествие на Восток» и «Путешествие в Россию». Совсем недавно, в 2017 году, вышло даже шеститомное собрание сочинений Готье.

Но до сих пор не была переведена на русский язык маленькая, но очень знаменитая книга Готье «Домашний зверинец». Она печаталась глава за главой с января по март 1869 года в газете «Парижская мода» (*La Vogue parisienne*), а затем в том же году вышла отдельным изданием у парижского издателя Альфонса Лемерра.

Тематика ее на первый взгляд незамысловатая — писатель рассказывает о своих домашних животных: кошках и крысах, ящерице и сороке, собаках и лошадях. Казалось бы, едва ли не всякий владелец кошки или собаки может рассказать о своих животных что-то подобное. Но, во-первых, далеко

ПРЕДИСЛОВИЕ

не всякий сделает это так остроумно. А главное, далеко не всякий сможет не просто описывать проделки зверей, но вложить в свои рассказы серьезную мысль.

Между тем в рассказах Готье скрывается мысль глубокая и для этого писателя очень важная. Готье был убежден в том, что животные — не машины, не способные ни чувствовать, ни тем более думать (как считал французский философ XVII века Рене Декарт), и что они — конечно, на свой лад — мыслят и даже разговаривают. Звериные истории, приведенные в книге, — именно об этом. Готье декларировал это убеждение с самого начала своего творческого пути. В его раннем (1833) рассказе «Соловьиное гнездышко» соловей, заслушавшись пением двух прекрасных кузин, подлетает к ним и «на своем соловьином языке» предлагает начать соревнование в певческом мастерстве, а кузины прекрасно его понимают и соглашаются. Но «Соловьиное гнездышко» — аллегория, притча о художнике, жертвующем жизнью ради искусства (соловей так старался победить в соревновании, что исчерпал силы и умер). В дальнейшем Готье обходился без аллегорий, когда писал о способности животных мыслить и чувствовать.

В книге «Изящные искусства в Европе» (1855) он посвятил целый вдохновенный монолог судьбе и внутреннему миру животных:

Животные, живущие на суше и в воде, — мы смотрим на них не с естественно-исторической, а с философской точки зрения — достойны сочувственного внимания наблюдателя; они таят в себе непостижимую тайну, которую по причине их молчаливости можно истолковать тысячью разных способов, но без надежды в нее проникнуть. Декарт считал их абсолютными машинами; отец Бужан [иезуит XVIII века. — *В.М.*] полагал, что в их телах заключены, как в темнице, падшие духи, которые не приняли участие в бунте против Всевышнего, но и не взяли его сторону. Мы не разделяем ни ту, ни другую точку зрения. Всякому, кто в течение долгого времени имел дело с лошастью, собакой или кошкой, трудно поверить в первое утверждение; второе же принадлежит к числу тех фантазий, которые невозможно обсуждать серьезно и о которых позволительно говорить лишь с улыбкой, как о гипотезе замысловатой, но безумной; но как бы там ни было, эти немые создания, живущие бок о бок с нами и покорные

ПРЕДИСЛОВИЕ

роковым законам, чем-то завораживают наше воображение.

Животные эти наделены теми же органами, теми же чувствами, что и мы, нередко даже более совершенными и более тонкими, чем наши; они дышат, двигаются, наслаждаются, страдают и умирают; у них есть симпатии и антипатии, инстинкты, похожие на мысли; они сообщаются между собою криками, призывами, предупреждениями, которые мог бы понять даже человек, будь он хоть немного внимательнее, и которые доступны дикарям, охотникам, пастухам и всем тем, кто живет наедине с природой. А что касается тех животных, которых мы приручили, какое кроткое терпение они выказывают! Какое мужественное смирение! Какое внимательный ум! Как охотно, от всего сердца и изо всех сил помогают они нам в наших трудах! Как стараются угадать, чего от них требуют, и какой вопросительный взгляд устремляют на хозяина, когда сомневаются в его приказаниях или не понимают их! И какую награду они получают за эту преданность? Скучную пищу, удары кнута или уколы шпор, а когда наступает старость, приближаемая непосильными трудами, их ждет удар мясника, топор живодера, крюк старьевщика. Такая суровая

участь — и такая невинность! Такая трогательная покорность — и такие страшные мучения! За какой первородный грех расплачивается лошадь, запряженная в фиакр? Какую запретную траву жевал в Эдеме пахотный бык или несчастный осел, чьи тонкие ноги подгибаются под колоссальным грузом, меж тем как погонщик осыпает его ударами кнута? Когда мы были совсем малы, эта мысль терзала нас неотступно, и в нашей ребяческой простоте мы рисовали в своем воображении рай для послушных животных: мраморные конюшни с кормушками из ивовых прутьев, полными золотистого ячменя, для несчастных кляч, при жизни битых и замученных тяжким трудом; удобные теплые стойла, благоухающие эспарцетом, и зеленые луга с густой травой, усеянной ромашками, в сени больших деревьев, для бедных быков, страдавших в ярме и на бойне; в нашем раю о лошадях и быках без устали заботились ангелы-конюхи и серафимы-волопасы, и руки их были мягче лебединого пуха. Ослам в этом раю доставались свежайшие колочки, запас которых никогда не иссякал. Быть может, все это было не слишком ортодоксально, но, как нам казалось, ничуть не противоречило божественной справедливости¹.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В процитированном отрывке Готье, как он и предупредил, смотрит на животных «с философской точки зрения». Он в самом деле много размышлял об участии животных и их роли в жизни человека. Однако в его отношении к домашним животным присутствовал, конечно, и момент сугубо личный, гедонистический: он получал удовольствие от общения с ними. В предисловии к раннему (1833) сборнику рассказов «Юнофранцузы» есть фраза, вторую, афористическую часть которой Готье поминает и в «Домашнем зверинце»: «Паши любят тигров, а я люблю котов: коты — это тигры для бедных»². А в другом предисловии, к роману «Мадемуазель де Мопен», он объявляет, что полагает «удовольствие целью нашей жизни и единственным, что полезно в этом мире. Такова воля Всевышнего, который создал женщин, приятные запахи, свет, прекрасные цветы, добрые вина, ретивых коней, левреток и ангорских котов»³. Это удовольствие Готье старался по мере сил себе доставлять, во всяком случае, в том что касается содержания в доме собак и кошек.

Своему приятелю драматургу Эрнесту Фейдо Готье в ответ на вопрос, зачем ему животные в доме, сказал: «Они вознаграждают меня за общение с людьми»⁴.